

**«СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ»
И «ШЕСТОДНЕВ»
ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО**

Любовь к родине одним из важнейших проявлений своих имеет любовь к природе родной страны. Не случайно поэтому «Слово о гибели Русской земли» начинается с описания русской природы. В этом описании одни исследователи пытаются усмотреть пейзаж северо-запада Руси — Новгородской области, другие — пейзаж ее северо-востока — Владимиро-Суздальской Руси, третьи — пейзаж Киевского юга.

Типична в этом отношении интерпретация русского пейзажа «Слова» А. В. Соловьевым. Он пишет: «Картина природы в „Слове о гибели“ очень последовательна: она начинается со „многих озер“, за ними следуют реки и кладези-источники, затем крутые горы, высокие холмы, всюду частые дубравы и дивные, плодородные поля. Это скорее северный пейзаж озерной полосы, где с холмов сбегает истоки рек, где среди березовых и хвойных лесов стоят кладези, блестит гладь озер и ширь полей, та страна, где встречаются Весну счастливые берендеи Островского, т. е. жители Суздальской области».¹

Эта попытка интерпретации пейзажа «Слова о гибели» дает возможность показать принципиальное отличие пейзажей в древнерусской литературе от литературных пейзажей нового времени. А. В. Соловьев вполне откровенно имеет в виду «Снегурочку» Островского, но не «Слово о гибели». Древнерусские произведения не могут говорить о «глади» озер (тем более — о блеске этих гладей), ни о сбегаящих истоках рек, и совершенно ничего общего не имеют они с восторгами счастливых берендеев. Русская литература XIX в. создала свой «оперный» трафарет в изображении древней Руси, ее истории, людей и природы, оказывающий непреодолимое влияние даже на весьма тонких знатоков древнерусской истории и литературы.

В самом деле, различие в изображении природы между новой русской литературой и древней очень велико. Пейзаж в новой литературе носит «портретный» характер, в нем отмечаются индивидуальные, характерные только для той или иной местности черты. «Пейзажист» смотрит пристально и с небольшого расстояния: он замечает и блеск водной глади, он видит, как поставлены «кладези», может определить породы деревьев. Писатель-пейзажист стремится увидеть реальную картину природы, дать ее описание как бы из одной неподвижной видовой точки, создать перед читателем иллюзию реального видения. Иллюзионизм — так можно было бы определить принципы изображения пейзажей

¹ Соловьев А. В. Заметки к «Слову о гибели Русская земли». — ТОДРЛ, М.; Л., 1958, т. 15, с. 79—80.

в литературе нового времени. Древнерусская литература выражает иное отношение к природе: либо природа изображается в движении как участница событий человеческой жизни, либо превозносится как проявление божественной мудрости. При этом она никогда не является самодовлеющим центром описания. В первом случае говорится только о тех ее действиях, которые оказывают прямое или косвенное (как приметы, предзнаменования) воздействие на судьбу человека, — о засухе, о грозе, о землетрясении, о появлении комет и «знамений» на солнце, о падении звезд и пр. Во втором случае — это философические размышления о мудрости божественного мироустройства.

А. В. Соловьев справедливо относит «Слово о погибели Русской земли» к одному из самых ранних в европейской литературе описаний и прославлений своей родины. У автора «Слова о погибели» не было предшественников в такого рода прославлении. В Повести временных лет описываются географические пределы Русской земли. В «Слове о полку Игореве» есть описания действий природы, на основе которых читатель нового времени составляет свои представления о пейзажах, где развивалось действие «Слова о полку Игореве». «Пейзажи» «Слова о полку Игореве» — это плоды нашего воображения, действующего под влиянием воспитанной на литературе нового времени потребности «видеть» то, что описывается в литературном произведении.²

Отсюда ясно, что «Слово о погибели Русской земли» не имело предшественников в изображении картины Русской земли. Но то, что оно не имело предшественников, не означает, что у него не было образцов. Свои образцы «Слово о погибели» находило в близких по времени произведениях, творчески их перерабатывая.

Так, например, то, что говорится в «Слове о погибели» о могуществе Русской земли, автор «Слова» мог найти в некрологических статьях, посвященных прославлению того или иного русского князя. То же, что говорится в «Слове» о русской природе, автор в известной мере заимствовал из «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского.

«Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского — один из самых поэтических памятников мировой литературы — оказал огромное влияние на всю русскую литературу XI—XVII вв. Восхищение мирозданием захватывало, заражало, властно подчиняло себе не одного русского писателя, воспитывало любовь к природе и ко всему живущему.

Художественный метод описания Русской земли в «Слове о погибели» тот же, что и в «Шестодневе»: это восхищение «мудростью», «разумностью» и красотой мироустройства — в данном случае

² А. С. Орлов на основании «Слова о полку Игореве» и отчасти Ипатьевской летописи воссоздал замечательный пейзаж дикой степи XI в., но этот пейзаж только потенциально заложен в «Слове» и в летописи: специально пейзажных зарисовок ни то, ни другое произведение не знает (О р л о в А. С. Слово о полку Игореве. М.; Л., 1938, с. 12—14).

не всего мира, а Русской земли. Описание ведется путем перечисления главных ее объектов: гор, холмов, дубрав, полей, рек, кладезей, зверей, птиц, а затем — творений рук человеческих: городов, сел, «виноградов» (садов), домов. Объекты эти те же, что и в «Шестодневе», и порядок, в котором они перечисляются, часто совпадает с порядком их перечисления в «Шестодневе». Так, например, в «Шестодневе» говорится, что бог разделил воды «и на морѣ, и на рѣкы, и на источники, и на езера, и на кладезе»,³ далее в перечислении даров книжного учения соблюден тот же порядок: «рѣкы и езера, и источники, и кладези».⁴ Не случайно, думается, «Слово о погибели» перечисляет те же объекты: «И многими красотами удивлена еси: озеры многими удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестными». Следовательно, кладези, реки и озера отнюдь не являются принадлежностью какого-либо определенного русского пейзажа — северного или южного. То же самое нельзя сказать и о садах («виноградах»), горах и дубравах, упоминаемых в «Слове»; ср. в «Шестодневе»: «Кого ли ради и земля садом и дубравами и цвѣтомъ утворена и горами увяста» (л. 1). Совпадает и терминология описаний: «украшено» (л. 1), «красотами» (л. 65 об.), «удобри» (л. 65 об.), «ухытри» (л. 65 об.), «исплънены» (л. 1 об.). Ср., например: земля «украшена же бысть абие и различными цвѣтци садовы и бечисменными трѣвами. Таче потомъ оутворено бысть и небо великыма свѣтилома и всѣхъ звѣздъ добротами» (л. 160 об.).

Эпитеты, которые прилагаются к перечисленным объектам, носят не конкретизирующий, а идеализирующий характер: они подчеркивают их главные, основные свойства: горы — крутые, холмы — высокие, дубравы — частые (т. е. густые), звери — различные, птицы — бесчисленные, города — великие, села — дивные, «винограды» (сады) — «обителные» (т. е. принадлежащие обителям, обиталищам, иными словами — возделанные, незаброшенные), князья — «грозные», бояре — «честные» (окруженные почестями), вельможи — «многие» и пр. Особенно характерны для «Шестоднева» эпитеты «бесчисленные» (а также «бескрайнии», «неизглаголемые»), «многие» и «различные» — это эпитеты, в которых точнее всего раскрывается основная идея «Шестоднева» — восхищение разнообразием мира, неповторимостью отдельных его объектов, их многочисленностью: «всу тварь различными добротами ухытри» (л. 65 об.), «птице, еже бечисмене» (л. 5 об.), «бечисмене рѣкы» (л. 3 об.), «пучинами же безмѣрными одѣвши се и бечисменным и полняна» (л. 61), «бечименными рѣками» (л. 61) и т. д.

³ Шестоднев, составленный Иоанном Ексархом Болгарским, по харатейному списку Московской Синодальной библиотеки 1263 года. М., 1879, л. 149. — Ниже «Слово» цитируется по реконструкции в кн.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965, с. 182—184.

⁴ Шестоднев, составленный Иоанном Ексархом Болгарским. . . , л. 235 (далее листы обозначены в тексте).

Автор «Шестоднева» рассматривает мироздание как некий ковчег, дом, наполненный («исполненный») и «удивленный» рачительным хозяином всевозможными «красотами». Те же термины видим мы и в «Слове о погибели»: «И многими красотами удивлена еси»; «. . . всего еси исполнена, земля Руськая».

Однако между «Словом о погибели» и «Шестодневом» имеются и серьезные различия: автор «Слова» ни разу не говорит о творце всего сущего. Он восхищается не творцом, а самим творением. Творение это — не весь мир, а только его часть — Русская земля, и соответственно этому в «Слове» не говорится о том, что не имеет к ней отношения, — о солнце, месяце, звездах, ни о море (море упоминается, но не как часть Русской земли), о чем так много говорится в «Шестодневе». Наконец, еще одно отличие и, может быть, самое любопытное: в «Слове о погибели» гораздо чаще употребляются эпитеты. Именно в эпитетах, думается, больше всего сказывается связь «Слова» с народной поэзией — связь, особенно многозначительная для произведения, посвященного прославлению родины: «О свѣтло-свѣтлая и украсно украшена земля Руськая! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестными, горами крутыми, холми высокими, дубровами частыми, полями дивными, звѣрьми разноличными, птицами бесчисленными, города великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными, и князми грозными, бояры честными, вельможами многими!» А далее: «тоймичи погании», море «дышючее», «каменныя города», «синее море», «великия дары» . . .